

КНИГА I

НИКА
ЛЕТТА

**Я ПОЛЮБЛЮ
ТВОЙ ХВОСТ**

18+

Ника Летта
Я люблю твой хвост
Серия «ПОДАРКИ
ВСЕЛЕННОЙ», книга 1

<https://litres.ru/74137188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она просто хотела купить зелёный чай... Теперь у Ани новая реальность: космический корабль, чужая еда, странные законы, отсутствие бюстгальтера, слишком много хвостов и капитан, который пугает даже тогда, когда заботится.

Она хочет домой.

Он хочет как лучше.

Вселенная ржёт в стороне.

Ироничная космоистория о культурном шоке, земном упрямстве и девушке, которая просто хотела чаю.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Роковое дежурство	9
Глава 2. Подарок Вселенной: Самочка	19
Глава 3. Меня спасли. Кажется, зря	31
Глава 4. Черт, хвост и немного доверия	40
Глава 5. Детёныш под контролем	53
Глава 6. Столовая строго режима	63
Глава 7. Интим, который сломал капитана	74
Глава 8. Неприятный и тайный сюрприз	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Я люблю твой хвост

Пролог

Планета Нимар, сектор Кроса, Galaxy UDFJ-39546284.

Нимарийцы.

Когда-то эта раса была многочисленна. Но, как вы знаете, у Вселенной есть свои законы.

Более сорока тысяч лет назад предки нимарийцев покинули свой родной мир после войны двух рас и нашли себе новый дом — планету Нимар.

Какое имя носили их предки, неизвестно. Об этом говорила лишь древняя рукопись, случайно обнаруженная подростками, забравшимися в катакомбы. В ней не было подробной истории. Только обрывки прошлого и звёздная карта, на которой были отмечены две точки: точка отправления — «Тера» и точка прибытия — «Нимар».

Долгое время эта находка оставалась лишь странной древностью.

Нимарийцы жили, развивались, строили города, осваивали технологии, летали в космос и посещали соседние планеты. За несколько дней до осознания настоящей трагедии они даже собирались выйти за пределы своей галактики.

Но потом их раса начала вымирать.

Эпидемии не было. Последняя война закончилась много веков назад. Никакой очевидной причины не существовало.

Просто рождаемость на планете резко снизилась.

Сначала на это не обращали должного внимания. Потом начали спорить, искать объяснения, строить теории. И только когда за целый год на всей планете родился всего один ребёнок, нимарийцы забили тревогу.

Увы, было уже слишком поздно.

Все учёные умы были брошены на разгадку этой страшной загадки. Старые проекты закрывались один за другим. В том числе был заброшен и проект «Viera» — программа выхода за пределы родной галактики.

Теперь у нимарийцев осталась только одна цель: понять причину бесплодия их женщин и найти способ спасти расу.

Но ближайшие планеты не дали ответа.

Другие миры были обитаемы. В них жили разумные существа, но их генотип слишком сильно отличался от нимарийского. Никто не подходил расе Нимар по фенотипу.

И тогда учёные снова вспомнили о древней рукописи.

Если Нимар не был их родным миром, значит, где-то во Вселенной могла существовать планета, с которой когда-то пришли их предки. А если это было правдой, там могли остаться существа, чья ДНК была бы достаточно близка к нимарийской.

Старшее поколение Совета не хотело верить в эту надежду.

— Мы не можем полагаться на какую-то рукопись, не имея достоверных данных! — говорили они.

Но молодые учёные настаивали:

— Мы всё равно ничего не теряем. Если проект окажется успешным, у нас появится шанс. Ещё несколько столетий — и мы исчезнем как вид. Нам нужна свежая кровь.

Так была возрождена часть заброшенного проекта.

Межгалактический беспилотник RT-96583 должен был достичь Млечного Пути и Туманности Андромеды, найти образец ДНК, схожий с нимарийским, а затем с помощью криогенной заморозки погрузить носителя образца в летаргический сон и доставить его на Нимар для последующих исследований.

Это был единственный выход.

Последняя надежда.

Старый нимариец сидел в кресле и смотрел, как автоматический беспилотник RT-96583 уходит в космос с капсулами переноса.

Межгалактический корабль нёс биотехнологию нового тысячелетия.

«Если мои люди смогут прожить ещё эту тысячу лет и не вымрут окончательно», — подумал старый нимариец, но тут же заставил себя надеяться.

Надежда была дикой. Почти безумной.

Но другой у них уже не осталось.

Когда беспилотник исчез с радара, учёный поднялся с

кресла с лёгкой душой.

Он сделал всё, что мог.

Но едва старик собрался пойти домой, как пол под ногами вздрогнул. Следом по всему комплексу раздался сигнал тревоги:

«Бесконтрольные сдвиги ядра планеты! Вероятность самоуничтожения — 87%. Покинуть планету! Покинуть планету! Отсчёт начался. Девять минут... пятьдесят девять секунд...»

Пока голос лился из динамиков, мужчина опустился на колени, словно из него разом выкачали весь воздух.

Он не спешил.

Он знал: времени не хватит. Любому кораблю, способному покинуть орбиту планеты на достаточное расстояние, чтобы его не зацепила взрывная волна, потребуется не меньше часа.

Из глаз того, кто всегда был стойким, потекли слёзы.

Он плакал и шептал:

— Что я сделал... Что я сделал...

Со смертью остатков своего народа он, возможно, смог бы смириться. Такая угроза давно висела над ними, и все нимарийцы привыкли жить рядом с ней.

Но понимание последствий собственных действий наполняло его виной настолько тяжёлой, что становилось трудно дышать.

Ведь капсулам больше некуда будет вернуться.

Когда они придут к цели, Нимара уже не будет.

И невинные женщины умрут.

Последние слова старика перед взрывом родной планеты были:

— Богиня, прости...

Глава 1. Роковое дежурство

Встреча с главным героем.

Земля. Наши дни.

Анастасия Петрушенко.

— Нет... ну это нормально? Да скажите же, кто в здравом уме согласится в день рождения заменить свою коллегу? Разве вы не знаете? А я знаю... Я! — бормочу себе под нос, спокойно заворачивая новорождённого.

— Да, сладкая? Тётя Анна, наверное, с ума сошла! — сюсюкаюсь с очаровательной малышкой. — Ты чего хмуришься? Не согласна? Спасибо, дорогая! Подожди. Вот, возьми, кушай.

Я подставляю бутылочку, очарованная тем, как этот крошечный ротик старательно пытается схватить соску. Наконец мои труды приводят к цели, и она начинает есть.

Я обожаю детей, особенно таких маленьких, и у меня каждый раз слёзы наворачиваются на глаза, когда приходится делать уколы этим малышам и брать кровь из их крохотных пальчиков. В первый раз тётя Таня, заметив, что у меня мокрые глаза, прошипела:

— Ты ведь доктор, что за сопли!

И на все мои объяснения и отговорки она отвечала:

— Ничего, проработаешь, как я, — закалишься!

Всё может случиться, ведь когда я проходила практику в

травматологии, вид крови меня не пугал. Я спокойно ставила капельницы, делала перевязки. Но сейчас... что-то со мной происходит. По идее, я вообще не должна была работать здесь. Но подруга моей матери помогла, когда узнала, что я оказалась в трудной ситуации.

Я родилась в семье врачей. Мой отец был патологоанатомом, а мама — хирургом. Мои родители очень хотели, чтобы я последовала по стопам отца. И, как бы это ни казалось странным, сорокалетний мужчина всё-таки решил взять на работу тринадцатилетнюю девочку, чтобы заранее привить ей любовь к профессии.

И что вы думаете? Рвало меня без остановки целый час. Еле-еле добежала до выхода из морга. Месяц мучили кошмары, полгода спала с включённой лампой. И даже спустя одиннадцать лет, в периоды сильной физической усталости и нервного напряжения, они порой всё ещё меня преследуют.

Когда отец осознал, что я не унаследовала его фанатичную любовь к разгадке причин смерти, он оставил меня в покое, а другой родитель взял меня под свою опеку.

Моя мама считала, что, чтобы чего-то добиться и стать специалистом в своей области, нужно начинать всегда с самых низов. Ведь хороший врач должен быть также хорошим психологом, способным не только правильно поставить диагноз, но и морально поддержать своего пациента.

— Ты начнёшь с работы медсестрой, параллельно посещающая курсы психологии, поработаешь год, наберёшься опыта

в общении с разными пациентами, и уже тогда решим, хочешь ли ты стать хирургом или психологом, — сказала она мне.

Моя жизнь была полностью спланирована, и я не удивлюсь, если мама разработала планы на далёкие годы, включая даже мой брак и выбор моего жениха.

Тогда меня это очень раздражало. Не скажу, что я была проблемным ребёнком, но их планы — это были их планы, а я всё-таки была подростком: «Только что закончила школу! А вы мою жизнь расписали! Когда я жить буду?» Мне хотелось посещать дискотеки, встречаться с мальчиками, как все девчонки моего возраста, и вот тут — «облом».

Родители воспитали меня правильно, с чувством ответственности, и тут я уступила, правда, с небольшим условием. Если поступлю в нашем городе на стипендию, родители подсуеются и выделяют мне комнату в общежитии. Я надеялась, что это поможет мне хотя бы немного выбраться из-под удушающего крыла родительского надзора.

Когда наступил день X, меня охватила нервозная лихорадка, но я добилась своего, и вот — «ура!», вожаемая комнатка стала моей наградой. Ну, хотя бы какая-то комната, хоть и не такая просторная, как я ожидала. Кроме моей кровати, там размещались ещё три, предназначенные для других девушек.

— Ммм... советская романтика... Комната на четырёх, а кому не повезло — и того больше, — воскликнула я с иро-

нией.

В общем, тогда я была немного разочарована, что придётся делить новое жильё с кем-то другим, и едва не побежала жаловаться. Но потом здраво рассудила, что это был замысел моей дорогой мамы, чтобы я привыкла к менее комфортным условиям.

Мама, вероятно, считала, что привыкшая к комфорту дочь ужаснётся предстоящим вызовам и вернётся обратно в семейное гнездо. Поэтому я сдержала свой порыв и решила посмотреть: вдруг девочки окажутся хорошими соседками, и мой дискомфорт не будет слишком велик.

Впоследствии могу сказать, что это было правильное решение, и я ни разу не пожалела о том, что сдержалась.

Все девчонки были из одной деревни и удивились, когда узнали, что я «городская», — так они меня называли.

— А шо ты робиш осьтут, а не з батьками живеш? — спросила меня Галя, всегда прямолинейная, розовощёкая, с пышными формами, бойкая, из тех, про кого говорят: «кровь с молоком».

— Как говорил мой дядька: «На волю захотелось»? — захохотала Машка. Её заводной характер отражался даже во внешности. Она была высокой кареглазой девчонкой с ярко-рыжими локонами.

У неё дядя сидел за непреднамеренное убийство. Во время драки толкнул оппонента, тот упал, ударившись головой о барную стойку, и скончался. А из-за того, что дядя был за-

чинщиком, ему дали срок. По словам Маши, история, возможно, умалчивает о некоторых подробностях, но, несмотря на это, Маша оказалась хорошим человеком и со временем стала одной из моих лучших подруг.

— Угадала, — улыбнулась я.

— Как я тебя понимаю, — проронила Вера, самая спокойная и тихая в нашей будущей компании.

На волне свободы от родительского надзора со временем мы подружились, куролесли, вместе исправляли собственные ошибки. Порой плакали из-за неудавшихся отношений, правда, чаще это была Маша. Мы вытаскивали друг друга из депрессий по разным, как теперь казалось, пустякам.

У меня была бурная юность, полная событий, не омрачённых никакими заботами или проблемами, до одного дня, полностью изменившего мою жизнь.

Прошло полгода. Каждую пятницу мы договаривались, кто останется прикрывать, а остальные идут отдыхать, и так по кругу. Когда настал мой черёд, я уже собиралась лечь поспать и выключила свет. Вдруг в дверь постучали.

— Анастасия Петрушенко? — раздался за дверью мужской голос.

У меня под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия. Кто это может быть? Скорее всего, там ещё комендант нашего общежития, и, если так, девочкам будет не по себе. К тому же об этом инциденте обязательно доложат моим родителям, и они, возможно, заберут меня домой.

Это я сейчас понимаю, насколько тогда мои страхи были глупыми. А тогда интуиция просто кричала во всю глотку: «Не открывай! За дверью тебя ничего хорошего не ждёт». Она предупреждала, но лучше бы оправдались мои страхи — тогда мне не пришлось бы так быстро взрослеть.

— Та тихо вы, девочки спят, — шикнула на него, как я и думала, Мирослава Львовна и деликатно постучала. — Девочки, вы не спите? Анечка, выйди, пожалуйста, с тобой поговорить хотят.

Нехорошее предчувствие только усилилось. Комендант была очень строгой дамой и следила за нравственностью своих «подопечных», особенно за мной — мама постаралась. А тут она сама пропустила какого-то мужчину в девичье общежитие в неурочный час.

Чтобы не сдавать своих подруг, быстро одеваю халат и выхожу в коридор, плотно прикрывая за собой дверь. Передо мной стоит мужчина в форме, явно в годах, и видно, что мнётся. Рядом стоит комендант с мокрыми глазами.

Так, что-то мне нехорошо... Предчувствие словно говорит, что я знаю, о чём пойдёт речь.

«НЕ ХОЧУ! НЕ ХОЧУ НИЧЕГО СЛЫШАТЬ!!!» — вопило внутри меня, но я стояла как вкопанная, не в силах моргнуть хотя бы одним глазом.

— Вы Анастасия Петрушенко? — словно взяв себя в руки, спрашивает милиционер.

— Да-а... я, — сдавленно отвечаю, крепко вцепившись ру-

ками в халат.

— Четыре часа назад по адресу Тимчишина, 40/Б произошла утечка газа, — как сквозь вату до меня доносятся его слова. — Сожалею, ваши родители погибли мгновенно...

В ту роковую ночь моя беззаботная юность закончилась, и мне пришлось резко взрослеть.

После этого я долго ходила словно в воду опущенная, не зная, за что хвататься. Столько всего на меня свалилось: смерть родителей, похороны, бюрократическая волокита при вступлении в права наследства, правильное распределение денежных средств и, наконец, нужда.

Меня едва не лишили стипендии, так как мои оценки ухудшились, возникали вопросы о моём отчислении и многое другое. Если бы не поддержка девочек, не знаю, что бы со мной стало.

Галя подключила своих родственников, чтобы помогли бедной сиротке (оказалось, у неё есть тётя-адвокат). Машка с Верой настойчиво подталкивали меня учиться, чтобы я не впала в меланхолию, и, как ни странно, постепенно я втянулась.

Наверное, именно тогда зародилась наша крепкая дружба. Со временем всё стало нормализоваться, и жизнь уже не казалась такой мрачной. Верно говорят, что именно в трудные моменты жизни проявляются истинные друзья.

Всегда, вспоминая те времена, у меня дрожат руки. Хорошо, что малышка успела уснуть в кувезе. Я собрала все бутылочки и пошла помыть их.

Откручивая крышечку, случайно ударила плечом по подносу, на котором стояла банка сцеженного молока роженицы из седьмой палаты. Естественно, она опрокинулась, и жёлтое молоко облило меня — большая часть ушла за пазуху рабочей рубашки.

Только когда я собралась взять полотенце, чтобы вытереться, раздался громоподобный голос нашей акушерки:

— Анна! Срочно вызывайте Борисовича! Быстрее, у нас тяжёлый случай!

Срываюсь с места. Надо поспешить. Не хочу иметь на душе такой грех, как смерть пациентки. Видимо, действительно ЧП, если меня за главным хирургом посылают. Очевидно, они не справляются.

Бегу со всех ног, сердце отбивает в ушах молоточками. Поворачиваю в левое крыло, не особо заботясь об окружающих. Меня заносит на повороте.

— Антон Борисович, вас... там... — хрипло воскликнула я, толком не открыв дверь. — Там... в общем... нужны вы.

Наш главный хирург не растерялся. Он только вопросительно посмотрел на меня. Видимо, у него такие ситуации — в порядке вещей. Он неспешно отложил в сторону какие-то бумаги и, так как не дождался от меня толкового ответа (я лишь хрипела, хаотично жестикулируя руками), тяжело под-

нялся с кресла.

— Веди, бедовая... — с доброй, отеческой улыбкой проговорил он.

Несмотря на солидный возраст, наш хирург не растерял чувство юмора и, как обычно, пожурил мою поспешность.

Уф... вовремя. Успела.

Работая всего год, я не могла предположить, не была готова к таким потрясениям. К тому же никак не ожидала, что этот день станет отправной точкой к крупным изменениям в моей жизни. Казалось, день был обыденным, но адреналин зашкаливал, руки тряслись, и я нуждалась в успокоении. Очень хотелось чашечку зелёного чая, но его не оказалось.

Вышла в магазин через дорогу в больничных тапочках, не особо заботясь о своём внешнем виде. Моя медсестринская униформа была спереди мокрой, и, естественно, я выглядела не только весьма эксцентрично, но и испачканной молоком. Мои коротко подстриженные каштановые волосы буквально стояли дыбом.

Я поспешно бежала, не особо обращая внимания на окружающих, и не заметила даже того, что носок моих тапочек слегка оторвался. Хотя я и спешила, какой-то необычный блеск на асфальте всё же привлёк моё внимание.

Наклонившись, чтобы рассмотреть диковинку поближе, я опрометчиво забыла, что нахожусь посреди дороги. Результат налицо.

Слышу громкий визг шин и поднимаю глаза. На меня

несётся дорогой автомобиль. Я успеваю лишь скрутиться в позу эмбриона, как от силы удара меня откидывает на внушительное расстояние.

Но странным образом я не ощущаю боли, словно мой мозг отстраняется от происходящего. Я лишь крепче сжимаю в руках находку — это прозрачный кристалл цилиндрической формы с тонкими гранями.

Автомобиль мчится дальше, не замедляясь.

После непродолжительного полёта удар о поверхность земли выбивает остатки воздуха из лёгких. По инерции меня перекатывает на живот. Перед глазами — лужа моей крови, которая быстро расширяется.

В этот момент я своё тело не ощущаю вовсе, словно это всё происходит не со мной, словно я обычный наблюдатель. Кристалл выпадает из безжизненных пальцев.

Последней картиной перед моим затухающим сознанием был блестящий кристалл на ярко-алом полотне моей крови.

Глава 2. Подарок Вселенной: Самочка

"Мардимар"

*Капитан Амадан тар Драст,
три месяца спустя.*

Последний рейс разочаровал Амадана полностью. В течение последних нескольких лет в нём чего-то недоставало, и с каждым днём этот недостаток только усиливался. Он ощущал, как беспочвенный гнев медленно, но верно нарастает внутри него, а раздражительность беспокойно сверлит его душу.

Друзья смотрели на него с сочувствием, но их понимающие взгляды лишь напоминали о том, какие огромные изменения происходили в его жизни. Горечь неудовлетворённости наполняла каждую клетку его существа. Ситуация была настолько серьёзной, что друзья, глядя на Амадана, не могли даже долю секунды удержать на нём взгляд. Они чувствовали, что что-то в нём изменилось, и эти жалостливые взгляды, полные сочувствия, как кислота, разъедали внутренности.

Амадан понимал, что его друзья отлично знают: время поджигает и он ищет пару среди своих соплеменников. Это был серьёзный вопрос, требующий немедленного решения,

и их взгляды ежедневно напоминали ему об этом.

Когда наступает время создания семьи, нельзя довольствоваться чем-то, лишь отдалённо похожим на настоящие отношения, как это бывает с шибарийками, требующими составления договоров и согласия только на одного потомка. Также не подходил вариант с самками ицтеков, где потомство может быть в любом количестве, но только в рамках свободных отношений. Это было бы идеальным решением, но в случае Амадана полностью исключалось, так как его кровь таров не позволяла сосуществовать с конкурентами. Серьёзность этой ситуации не давала ему покоя, и он знал, что настало время для жизненно важных решений.

Это была последняя планета, на которой обосновались аситины, и именно здесь, среди своих собратьев, капитан Амадан тар Драст искал свою избранницу. Но, к сожалению, даже здесь он не смог найти ту, которую искал. Самка из семьи тор Берсов не подошла по его критериям, но он понимал, что теперь уже ничего не изменить. Нет смысла рвать на себе волосы и скорбеть по упущенным возможностям — он вынужден действовать так же, как и все остальные. И всё же его душа ощущала некий дискомфорт.

Этот дискомфорт проявлялся в постоянном гуле в грудной клетке, который не давал ему расслабиться. Он чувствовал, как этот гул заставляет его выходить из себя, порой вести себя резко с подчинёнными и постоянно ощущать неудовлетворённость.

Но сегодня утром что-то изменилось. Весь день его не покидало странное предчувствие, однако ночью, отправившись ко сну, он ощутил лишь разочарование от того, что день прошёл так же обыденно, как и все предыдущие.

— Что там у тебя, Судар? — я взлетаю в рубку и устремляю взгляд на экран передо мной.

— На радаре вращение сворачивает сингулярность в кольцо, капитан, — отвечает второй пилот.

Моя реакция граничила с яростью. Этого молодого самца я взял на борт всего четыре месяца назад, предоставив ему испытательный срок. Он отлично управлял кораблём, но в сложных ситуациях, не предусмотренных программой, совершенно терялся. Это уже третий случай за последний месяц, когда он будит меня посреди ночи. Первый раз был из-за мусоровозной станции новой модификации, которую он принял за мародёров и поднял весь экипаж, состоявший из тридцати членов, включая судового врача.

Моя терпимость к его неопытности и неверным оценкам с каждым таким инцидентом таяла, а желание вырвать ему глотку становилось всё более явным. Стоит лишь вспомнить предыдущий раз:

— Кэп! — раздался его голос. — Там станция «Гродекс 3», может, стоит заскочить?

На мгновение я попытался поставить себя на его место. Молодое тело, полное энергии, едва перевалившее за второе совершеннолетие. Но этому молодцу пришло в голову не

признаться в своих настоящих желаниях, а предложить:

— У старпома, кажется, день рождения, давайте сделаем остановку...

Он даже не учёл, что у моего старпома есть астниэра и двое детей. Ибо, как известно, аситины своим самкам не изменяют.

Прежде чем я смог начать разговор о его несоблюдении протоколов и назначить наказание, его слова заставили меня замолчать.

— Капитан, вы помните о гостях из белых дыр? Я вспоминаю, как нам преподавали историю об этом в академии. Похоже, ситуация повторяется. Вы видите тот челнок возле червоточины?

А вот это не обещает ничего хорошего. В прошлом, когда кифу выразили желание вступить в Союз, на нас напали хакари. Эти прожорливые существа, дипольные, питающиеся эмоциями и пожирающие плоть побеждённых. Нам следует немедленно сообщить об этом в военное ведомство.

— Включай невидимый режим, — говорю я, садясь в кресло. — Система, активизировать положение АК-13. Руководство переходит под мой контроль...

По всей палубе разнёсся ультразвуковой сигнал, светодиодные лампы начали мигать. Все наши силы и навыки были сосредоточены на этот момент. Через три минуты весь экипаж был собран в полной боевой готовности.

— Все на своих постах, — отдаю команду, стараясь удерж-

жать внутреннее напряжение. — Не предпринимать никаких действий без моих приказов.

Наши сердца бьются сильнее, адреналин бурлит внутри нас — мы готовы к любому исходу. Этот момент наполняет нас чувством ответственности и решимости. Наша команда сплочена, мы работаем вместе уже более ста лет. Несмотря на то, что у команды сейчас было увольнение, это не отменяло военной выправки и реакции.

Несколько минут растянулись в вечность. Напряжение звенело в воздухе, и никому не хотелось повторения событий тысячелетней давности. Тогда погибло очень много людей, и в основном пострадали аситины, особенно женская половина, которую пытались оградить от военных действий, поскольку соотношение женщин и мужчин у нас было 1:3. Но получилось наоборот — хакари будто просчитали наши действия.

Тогда, когда «Паролит», переполненный самками, в сопровождении четырёх военных кораблей отправился в дальний сектор Галактики кифов, их перехватили. Выживших не осталось, и все пять крейсеров дрейфовали в космосе, словно брошенные консервные банки.

Это был удар для нашей нации, ведь самки были унесены со своей родной, самой населённой планеты. На двух других планетах смешивались представители трёх рас, обучались, работали и торговали вместе.

Этот момент в истории всплывал, как ожог в памяти всех,

кто был там, и мы никогда не хотели, чтобы нечто подобное повторилось. Даже спустя столько лет количество самок не увеличивалось, и в основном рождались мальчики. Многим самцам приходилось выбирать в пары самок шибару, потому что они больше подходили по ряду причин. Несмотря на то, что это были достойные союзы, что-то всегда не сходилось.

Своих самок семьи охраняли как национальное сокровище, не выпуская их за пределы бростов, обеспечивая обучение прямо у дома. Чтобы завоевать сердце астниэры, самцам приходилось многое доказать перед её семьёй и уплатить высокую цену. Этим они показывали, что их дочь ни в чём не будет нуждаться и её безопасность будет обеспечена на высшем уровне.

В рубке все не сводили взглядов с монитора. Произошла фотонная вспышка, ослепившая команду. Пятнадцати секунд хватило, чтобы восстановить зрение.

Перед глазами возникла неопознанная капсула, прорвавшаяся сквозь орбиту червоточины и направлявшаяся в нашу сторону. Её характеристики были загадочными: она варьировалась по размерам, будто находилась где-то между истребителем класса «Эмб-4» и спасательным кораблём «Иф-1». Материал вызывал недоумение, напоминая нечто среднее между металлом кобальди и драгоценным камнем хис.

Все в рубке замерли, задержав дыхание. Это было нечто, вызывающее тревогу и ощущающееся как враждебное.

Если это начало военной операции, нам придётся до-

ждать прибытия всей эскадрильи противника и быстро отправить предупреждение Межгалактическому Совету. Но у неизвестной капсулы не наблюдалось никакой активности, и спустя двадцать минут белая дыра внезапно закрылась, не породив никаких дальнейших событий. Осталась лишь тревожная недосказанность: что скрывается за этим появлением и исчезновением?

— Система, диагностика объекта, — пророкотал я, слегка наклоняясь вперёд.

— Начинаю диагностику... — на пару секунд время словно замерло. — Диагностика завершена... — пауза заставила понервничать не только меня. — Спасательная капсула органического происхождения. На борту один живой организм. Дальнейшая диагностика невозможна: недостаточно данных.

Ситуация наполнила рубку напряжением, а загадочное обнаружение вызывало вопросы и тревожные размышления.

Весь экипаж обратил внимание на меня, ожидая решения, спектр их эмоций колебался от напряжённого предвкушения до решимости. Эта ситуация оставила нас без какой-либо информации о существовании внутри капсулы — о его потенциальной угрозе или физических характеристиках.

Разум подсказывал действовать логично, без эмоций. Но внутри меня что-то кричало: «Схвати его!» Однако рациональный ум напоминал, что на борту не только я, и судьба других зависит от моего выбора.

Я оставался в кресле, вглядываясь в мониторы, в течение пяти долгих минут, взвешивая все возможные сценарии, рассчитывая риски и последствия.

— Шинфара — в грузовой отсек. Полная изоляция, подключить анализатор воздуха. Капсулу переместить в отдел «В-7». — Я поднялся. — Сауэр, Когис, Джарим, Доусэт — за мной.

Мой брат и коровники без слов подчинились, и мы направились к лифту. Нас уже ждал судовой врач Шинфар — муж моей сестры.

— Как я понимаю, что-то интересное произошло, раз меня вызывают в грузовой отсек. Твой помощник, кажется, сдулся — никакого подробного описания, — проворчал он, пристально разглядывая меня.

— Пройдём в Ис-бокс, оденем защитные костюмы, и я расскажу, что от тебя потребуется.

Мы собрались вокруг капсулы, размышляя над её деактивацией. Такую биотехнологию могли применять лишь в медицине.

Неожиданно первый звук пронзил наши уши, как удар молота, за ним последовала зеленоватая вспышка, и крышка с шипением начала раскрываться, выбрасывая белёсый дым вокруг нас.

Мы отступили на несколько шагов, настороженные, готовые отразить любую угрозу, которая могла выйти из капсулы.

Шинфар, как самый любопытный из нас, не смог удержаться

жаться и первым подошёл к ней. Приглядевшись внимательно, он сплюнул в сторону и начал выражать своё возмущение на всех известных мне языках.

При этом он не переставал издавать странные звуки и бросать на нас непонятные взгляды. Его реакция была настолько интенсивной, что даже в такой напряжённой ситуации вызвала у меня удивление.

— Что случилось? — спокойно спрашиваю, подходя ближе.

Но он разворачивается и резко хватается меня за плечо, толкая вперёд.

— Что ты видишь?

Я внимательно присматриваюсь. На белом фоне, сквозь заледенелые узоры, различаю очертания лица гуманоидного типа. Однако «лёд» начинает «дымиться» при контакте с кислородом, мешая разглядеть подробности.

— Ничего необычного, кроме этой быстро тающей корки. Очевидно, это спасательная капсула, — отвечаю, разворачиваясь к нему лицом.

— Шин, ты врач, объясни уже нам всем, — указываю на остальных, которые с интересом смотрят в нашу сторону. — Что привело тебя в такое бешенство?

— Если есть опасность заражения...

Не успев закончить свою мысль, Сэт, один из нас, попадает под неожиданный гнев со стороны врача — тот бросает ему в лицо защитную маску.

— Подойдите ближе, вы все! — с рыком он указывает на прибор на своей левой руке. — Ничего угрожающего в воздухе нет. Так что снимайте маски, проклятые низары!

Он выглядит взвинченным и, сжав губы в тонкую линию, наступает на нас.

Мы начали серьёзно волноваться. Казалось, что он лишился рассудка. Но мы не рискнули с ним спорить — с сумасшедшими нужно быть осторожными. Медленно, стараясь не провоцировать его дальнейшую агрессию, мы начали снимать маски.

Врач, похоже, немного расслабился — даже его кулаки разжались.

— И что вы чувствуете? — спросил он на удивление спокойно.

Мы одновременно втянули воздух.

Реакция последовала мгновенно. Волосы на загривке поднялись, грудь отозвалась знакомым гулом. Судя по лицам остальных, накрыло не меня одного.

— С-с-самочка... — в один голос выдохнули Сауэр и Джарим и шагнули вперёд.

Когис отреагировал спокойнее остальных. Его инстинкт размножения уже был удовлетворён, поэтому запах не бил по нему с той же силой. Но взгляд, прикованный к незнакомке, выдавал общий для всех вопрос:

Откуда она здесь взялась?

— Внимательно прислушайтесь к своим ощущениям, —

шипел недовольный шибариец. — Внимательно...

Пока мы, словно послушные диорты, начали прислушиваться к вдыхаемому воздуху, он повернулся обратно к капсуле. Резкими движениями убрал остатки льдистой органики и поднял бессознательную самочку на руки.

В тот момент, когда перед нами открылся её размер и отсутствие хвоста, до меня дошёл лёгкий аромат крови, а также неожиданный запах грудного молока...

ДЕТЁНЫШ!

Как, трастрабкг, как детёныш мог оказаться в открытом космосе? Ни один уважающий себя син не выходит в открытый космос с маленьким потомством, тем более с беременной самкой.

Тогда стало понятно, почему Шинфар так реагировал — он и Марьяла ожидают потомства. Первый опыт закончился неудачно, и иони с трудом решились на вторую беременность. Шинфару некомфортно находиться здесь, пока его семья на Аттере. И пусть он знает, что его возлюбленная находится под хорошей защитой наших родных, это не мешает ему беспокоиться.

Со мной он полетел лишь потому, что я останавливался на планете Кару'ф, на которой находились целительные источники, облегчающие роды, если добавлять их воду в напитки на последних сроках.

— Я отнесу её к себе. Нужно провести диагностику и сделать все необходимые прививки, — отчитался Шинфар и

быстро прошёл мимо нас, даже не замедлив шага.

— Да... — Доусэт почесал за ухом. — Неожиданный подарок из глубин космоса...

Мы все молча согласились.

#приключениявкосмосе #космическийроман #любовьикосмос #опасноепритяжение #книгадлявечера

Глава 3. Меня спасли. Кажется, зря

Анастасия

Очнулась я резко, словно кто-то включил свет на полную мощность. Голова тяжёлая, мышцы тела нещадно покалывают, будто они затекли от долгой неподвижности. На периферии сознания мелькали неясные образы — что-то важное, но разглядеть невозможно из-за туманного дымка, окутавшего моё сознание.

Я прикрыла веки, пытаюсь уберечь глаза от резкого света, а затем отчаянно поморгала. Поднять руки оказалось непосильной задачей.

И, наконец, прищурив правый глаз, я осмотрелась. Меня окружало белое помещение размером два на два, напоминающее больничную палату, но что-то здесь было не так. Окон не было, и свет, словно из неизвестного источника, лился внутрь. Потолки казались выше, чем обычно в больничных палатах.

Была авария... но почему нет боли? Почему я чувствую себя так, словно меня и не задевало? Никаких следов медицинского ухода: ни капельниц, ни мониторов. Я попробовала пошевелить конечностями — с трудом, но это было возможно. Я не ощущала никакой скованности, словно меня «накачали» обезболивающими или к голове прикрепили новое тело.

Мой разум начал перебирать возможные варианты происходящего. Возможно, внутричерепная гематома, кома... но где тогда капельницы и медицинские аппараты? Почему их нет?

Паника постепенно отступила, и я осознала, что мои ноги и руки подвижны. Сколько времени я здесь провела? И где я вообще нахожусь?

«Точно не в морге», — пошутила я про себя, пытаюсь снять напряжение. — «Похоже, я живее всех живых!»

Чёрный юмор всегда разряжает обстановку. Несмотря на всю неясность происходящего, я старалась не нервничать. Рано или поздно кто-то ведь должен появиться, и я узнаю правду. Поэтому держалась спокойно, не давая панике взять верх.

Не успела я окончательно успокоиться, как раздался резкий сигнал: «TACHDAYN». Сам по себе он не вызвал у меня страха. Но открывающиеся раздвижные двери стали настоящим ударом — точнее, тем, кого я увидела за ними.

Мой взгляд мгновенно переместился туда и начал подниматься выше... выше... ещё выше...

«Матерь Божья!..» — пронеслось в голове. — «Что за парень, словно трёхдверчатый шкаф времён Екатерины Великой?»

Почему именно Екатерина? Просто потому, что она славила любовью ко всему изящному. А этот Колосс Родосский (иначе не скажешь), несмотря на свои габариты — око-

ло 2,2 метра при моих скромных 1,64, — имел довольно элегантноe строение тела. Тонкие бедренные кости, узкая талия плавно переходили в очень, нет — очень-очень широкие плечи.

В изящных руках с длинными тонкими пальцами находилось нечто, похожее на шприц (а вот это уже не есть хорошо). Он был одет в брюки из непонятного материала и водолазку, которая не скрывала, а, наоборот, подчёркивала обалденный пресс, бицепсы и трицепсы.

А что? Я всё-таки женщина, и чувство прекрасного развито у меня не хуже, чем у других представительниц слабого пола. К тому же я не ханжа, и секса у меня давно не было. Да и тот первый опыт до секса не дотягивал, а уж до занятий любовью — тем более. Это был просто «половой акт», иначе не назовёшь.

Но ради такого экземпляра я бы рискнула попробовать снова. Не интрижку — нет... хотя бы одна ночь. Я не горю желанием размениваться на кого попало и принцев на белом «мерседесе» не жду. Веру в сказки потеряла где-то среди рутины серых будней и грязи мужского мышления. Молчу уже о поступках.

Не скажу, что хороших мужчин нет — есть, конечно. Один на миллион. И то их быстро «разбирают» более настоячивые дамы, оплетая колючей проволокой под напряжением с табличкой: «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ».

Все эти крамольные мысли вылетели из головы в тот же

миг, как только мой взгляд добрался до лица этого эстетического совершенства.

Всё, девочки, держите меня семеро — я сейчас убежать буду...

Платиновый блондин. Волосы, несомненно, длинные (причёску не разглядеть — не видно). Светлая кожа цвета слоновой кости подчёркивает тёмно-синие глаза, обрамлённые длинными ресницами, чуть темнее волос.

И... явно неправильный прикус.

Клыки.

Мама дорогая, КЛЫКИ! (как у троллей из «Warcraft»), выглядывающие из-под нижней губы...

В тот же миг меня накрыла благословенная темнота.

Второе моё пробуждение говорило о том, что состояние улучшилось. Голова всё ещё немного гудела, но тело ощущалось как новенькое.

Ну и приснится же такое... Недо-Етти, тоже мне.

А что? По теории Дарвина мы вообще произошли от обезьян. Так почему бы Етти не пройти ускоренный курс эволюции и не стать «Етти разумным»? Глазу приятно, общество не сильно шокируешь, клыки можно выдать за эксклюзивный девайс.

Сходил такой парнишка к стоматологу, украсил их бриллиантами — сейчас многие так делают. Я уж не говорю о тех, кто прокалывает себе всё, что можно, и внедряет металлические штуки под кожу.

А тут — гламурненько, и девочки все твои...

Похикивая над своим буйным воображением, я свернулась клубочком, укрываясь поплотнее. Так хорошо, тепло...

А работа?

Я резко подскочила — сон как рукой сняло.

И что же я увидела? Те же белые стены без окон. Тот же высокий потолок. Значит, не приснилось... — растягивая гласные, сообщил мой мозг.

Я медленно сползла обратно на постель, подтянув колени к груди.

Обнимаю сама себя, чтобы не потеряться в том хаосе, в который превратились мои мысли и эмоции. Значит, Ледышка тоже был реальностью, а не плодом моего воображения. Сама не знаю, почему так его окрестила.

Так... так... так, что мы имеем? А ничего! Ледышку и квадратную комнату, в которой даже развернуться негде.

В прострации я пробыла, пока ноги не затекли, и решила хоть немного пройтись. Может, что-нибудь надумаю, иначе в голову лезет всякая ерунда. Помнится, Машка читала литературу про попаданок, но я как-то не вписываюсь в те штампы, о которых она так вдохновенно рассказывала.

Я жива — в этом точно уверена. Моё тело... да, всё на месте, вот грудь всё так же перетянута. Нехороший завхоз почему-то сразу меня не полюбил: дал униформу на размер меньше. Мой третий родимый стеснял движения, штаны были выше щиколотки, и тапки...

Где тапки??? Глянула под койку.

Нет. ТАПОК НЕТ.

СПЁРЛИ!!!

(Зачем нелюдям мои рваные тапки — не думала. Главное, что взяли без спроса, значит — спёрли.)

Истерика налицо. Моё сознание пыталось хоть как-то отвергнуть ту реальность, в которую попало, цепляясь за что-то привычное, связанное с обычной жизнью.

Так недолго и крышей поехать... кукушечка-то того — «ку-ку». Необходимо взять себя в руки. Необходимо успокоиться.

Вдох... выдох... вдох... выдох...

«Спокойствие, только спокойствие!»

Вот теперь пробивает на хи-хи.

Вдох... выдох... ещё один глубокий вдох... и снова выдох...

Так, похоже, дыхательная гимнастика начинает прояснять мозги.

Где я — узнаю у Ледышки, как только он появится. Ведь если я попаданка, то сейчас мне вколют укольчик или жажнут каким-нибудь заклинанием — и я сразу начну понимать язык!

А если это лабораторные исследования?..

МАМА! НЕ ХОЧУ ПРЕВРАЩАТЬСЯ В ЛАБОРАТОРНУЮ МЫШЬ!

Ещё пара минут в одиночестве — и в голове будет го-

голь-моголь вместо мозгов. Хватит придумывать всякую всячину. Вот когда явятся — тогда и будем... паниковать.

Мысли в голове хаотично скачут — от серьёзных до абсурдных, гормональный фон зашкаливает. Ну почему, почему меня, такую маленькую и беззащитную, оставили одну в этом замкнутом пространстве?

Так хотелось, чтобы кто-то оказался рядом, обнял и сказал, что всё будет хорошо. Одной мне сейчас плохо.

Помяни чёрта — и он лёгок на помине.

Появился кто-то.

И кто...

Чёрт собственной персоной. Только рогов с копытцами не хватает, а так — точь-в-точь чёрт!

За своими метаниями я не услышала, как открылась дверь, и со всего размаху врезалась головой во что-то... точнее, в кого-то.

Моя голова уткнулась туда, где у обычного человека начинается прямая мышца живота.

Они все тут такие?.. Или это я такая мелочь, а?

Если бы тот «Етти» просто поверг меня в шок и отправил в отключку, то этот индивид вызывал УЖАС. Такой, что даже терять сознание было страшно.

Пока я таращилась на него, он аккуратно поглаживал мои руки своими когтистыми лапами (то, что они когтистые, ощущалось даже сквозь мою рабочую рубашку).

Видимо, это поглаживание давало свой эффект. На под-

сознательном уровне я будто возвращалась в детство, когда мама точно так же успокаивала, и всё снова становилось хорошо.

Наконец начинаю обращать внимание на детали. С внешностью Ледышки уже знакома, теперь рассмотрим внимательнее этого нелюдя. Вроде бы пока есть не собирается — и на том спасибо.

Тёмная кожа бронзового оттенка, чёрные глаза и прямые волосы. Чем-то его внешность могла бы напоминать индейцев, но это сходство портили будто обрубленные верхние и нижние скулы, резкие надбровные дуги и словно под линейку вылепленный нос, а в довершение — острый подбородок.

Да... личико. Врагу такого «совершенства» не пожелаешь увидеть даже во сне. Вот, к примеру, я без предварительной подготовки в виде современного Етти точно решила бы, что попала в ад.

От непривычки держать голову высоко задранной мышцы начали затекать. Согласитесь, не каждый день увидишь кого-то с таким ростом — разве что баскетболиста, да и то по телевизору. Правда, у этих нелюдей хотя бы тело полностью пропорциональное, в отличие от земных спортсменов.

Очень медленно, опасаясь подставлять шею (у него же на лбу написано: ХИЩНИК), опускаю взгляд ниже...

Это что?

ХВОСТ?

Вид бронзового хвоста, оплетающего мускулистые бёдра,

стал той самой чертой, которую моя психика окончательно не выдержала.

«ЕГО замечательный, собственный хвост?» — всплыла в памяти знакомая фраза из «Винни-Пуха», и я начала хохотать.

Нервная система просто не выдержала того напряжения, в котором я находилась с момента пробуждения. К счастью, надвигающаяся истерика превратилась в нечто, напоминающее веселье, а не в слёзы и, не дай бог, очередной обморок.

Когда же я увидела, как гладкий хвост со стрелочкой на конце нервно бьётся о его ноги, меня прорвало ещё сильнее. Я расхохоталась, схватившись за живот, и, не удержавшись, повалилась на постель.

#приключениявкосмосе #космическийроман #любовьикосмос #опасноепритяжение #книгадлявечера

Глава 4. Черт, хвост и немного доверия

Амадан тар Драст

— Амадан, можно тебя? — оторвал меня от отчёта в судовой журнал вошедший в открытую дверь каюты Шин.

— Что случилось? Очнулась? — как и все сородичи, я тоже мечтал о потомстве, но этот детёныш почему-то раздражал меня с первых минут после появления на моём судне.

— Хотел отчитаться...

— Вполне мог передать рапорт в письменном виде.

Теперь меня начал раздражать и корабельный врач, разбивший столь бурную деятельность вокруг этой маленькой самочки.

— Так-то оно так, но, видишь ли...

— Что ещё? — сквозь зубы спрашиваю. Так и знал: с этой находкой меня ждут одни неприятности. Не прошло и двух часов, как мне о ней снова напоминают. — Говори, я весь во внимании.

— Согласно показаниям медитека, ей плюс-минус двадцать четыре года. Об этом также говорят неострые зубы и мягкие черты лица. Если не ошибаюсь, это прямые показатели вашей расы, соответствующие этому возрастному промежутку...

— Да, смена зубов и появление хвоста происходят ближе к сорока годам. Потом начинается половое созревание. Не тебе, полностью прошедшему курс анатомии по нашему виду после женитьбы на моей сестре, об этом переспрашивать. Есть что-то ещё, как я понимаю? — не спросил, а скорее уточнил я.

— Я обнаружил некоторые аномальные несоответствия. Например, повышенный уровень железа в крови и не только. Но для дальнейшей проверки мне не хватает здесь техники и материалов. Я ввёл все необходимые инъекции, правда, уменьшив дозу почти втрое.

— Это как-то может ей навредить? — пусть появление на моём корабле неучтённого детёныша и раздражало, но это всё же самочка. Пусть маленькая, но от этого не менее, а даже более важная для моего народа.

— Не думаю. Несмотря на некоторые несоответствия, жизненные показатели в норме. Негативных реакций пока нет, а ты ведь знаешь: если они и появятся, то в первые сорок минут. Это всё относительно физического состояния...

— ...? — утомлённо приподнял бровь, неотрывно глядя на него.

Он глубоко вздохнул и уже глуше продолжил:

— После полной диагностики жизненных показателей я отнёс её в соседнюю с медотсекком каюту. Когда вернулся с трокомбом для восстановления эластичности мышечной ткани, она меня увидела и... потеряла сознание, — послед-

нюю фразу он произнёс, скривив губы, явно недовольный своей недальновидностью.

— ТРАСТРАБКГ! — сам должен был это учесть. Ведь знал, что из-за специфического воспитания наши самочки до первого совершеннолетия (семидесяти пяти лет) не видят никого, кроме родственников и тех, кто находится в бросте (общине, клане). Даже Марьяла, впервые увидев моего друга, перепугалась, когда после окончания военной академии я пригласил Шинфара погостить. А тут — едва ли не младенец.

— Я беспокоюсь, как бы всё это не повлияло на её несформированную психику, — обеспокоенно озвучил мои мысли Шинфар.

— Я понял тебя. Не волнуйся. Как только она очнётся — сообщи, и я зайду к ней..

И вот я стою здесь, поглаживая её руки от локтей до плеч — так я всегда успокаивал сестру во времена её надуманных страхов. Правда, ей это не слишком помогает.

Сам при этом размышляю, как бы выпытать у неё, что она делает в космосе. Кто её родители и где они жили до этого?

Ведь капсулой наверняка заинтересуется мой непосредственный начальник. Ещё бы! Использование биотехнологий в космическом кораблестроении — это необычайный прорыв! Правительство точно не оставит в покое этих уни-

кумов, используя в полной мере их потенциал.

Возможно, их община ещё тысячелетие назад нашла себе пристанище. Тогда многие стремились держаться подальше от войны и до сих пор не вышли на связь. Но даже если это так, это не даёт ответа на вопрос, как им удалось совершить такой скачок в развитии медицины. Слишком мало времени прошло — без чьей-то помощи здесь явно не обошлось.

От того, что это чудо смотрит на меня полными ужаса глазами, становится не по себе. И цвет у них необычный... коричневый. Не чёрный и не серый, как у всех аситинов, а именно коричневый.

Интересно, чистокровна ли она. Надо будет спросить у Шинфара. У шибару, например, встречаются только оттенки синего, у кифов — аметистовые, а у ицтеков — поголовно жёлтые глаза. Может, она наполовину ицтек?

Что-то отвлекло меня от мыслей.

Но как только я собрался сказать ей, что здесь ей никто не причинит вреда, она опустила свою коротко остриженную голову и после небольшой паузы начала смеяться.

Что её рассмешило — непонятно. Хотя запах страха исчез, сложно сказать, хорошо ли это, учитывая столь странное веселье.

Но когда детёныш, схватившись за живот, повалился на кровать, я не выдержал и связался с другом:

— Шин, по-видимому, твои опасения относительно её психологического состояния оправданы. Неси успокоитель-

ное.

Обратившись к ней, я произнёс успокаивающие слова:
— Малышка, успокойся, на моём корабле тебя не тронут.
Я прослежу за этим.

От звука моего голоса маленькая самочка замерла, но вскоре засмеялась ещё громче, перекатываясь с боку на бок по кровати.

Точно истерика.

Хорошо, что Шинфар не медлил, и мы вдвоём аккуратно сделали укол. Держа крошку за руки, я заметил, что кожа у неё очень нежная — даже для ребёнка.

Я едва не сплюнул от отвращения — к самому себе. Я ведь не извращенец, чтобы обращать внимание на то, какая на ощупь кожа у детёныша. Уже начал ненавидеть свои инстинкты, которые в последнее время будто сошли с ума.

В грузовом отсеке, почувствовав её запах, я едва не набросился на кровников, двинувшихся в её сторону. Теперь — это странное, извращённое удовольствие от прикосновения к её коже. Это было именно удовольствие, а не простое умиление её мягкостью и шелковистостью.

Пришло время серьёзно задуматься о том, чтобы отойти от дел и заняться созданием семьи. Иначе скоро начну с интересом поглядывать на самок кифу, которые абсолютно несовместимы с нами.

Решено. Я передам её под опеку Джариму. Пусть он зани-

мается этой самочкой — главное, чтобы она не попадалась мне на глаза.

Курс домой уже проложен. Если планы не изменятся и не возникнут непредвиденные обстоятельства, Судар справится со всем надёжно. В случае же каких-либо проблем я вызову тор Бреза обратно в рубку, а малышку оставляю под присмотром Шинфара. К тому времени она, надеюсь, привыкнет к его виду.

Когда мы вернёмся на Аттеру, я подберу этому детёнышу достойную семью, а сам возьму в пару астниэру из шибару или ицтеков. Возможно, после этого мне удастся избавиться от этих неправильных желаний, которые начали зарождаться в моей голове.

Приняв это решение, я сообщил первому пилоту, что от него требуется, и практически забыл о неофициальном пассажире на моём судне.

Анастасия

После того как мне сделали укол, чертяка ушёл, оставив меня наедине с моим первым знакомым. Похоже, он здесь выступал в роли врача.

Он ощупал меня, удостоверился, что мои зрачки вернулись к норме. Я слабо сопротивлялась, но он лишь потрепал меня по голове и задал вопрос:

— Agr tro skortis?

— Я не понимаю, — ответила я, начиная чувствовать

раздражение, которое пробивалось сквозь искусственно вызванное спокойствие.

Окинув меня взглядом, он нахмурился и задумался. Затем что-то произнёс в браслет на своей руке.

В течение пяти минут мы играли в непонимание. Затем дверь снова открылась, и вошёл ещё один участник этого странного представления. Он был похож на предыдущего, за исключением более худощавой фигуры и цвета глаз. Выглядел он немного менее угрожающе.

Они что-то обсудили между собой, а затем обратились ко мне. Если честно, их речь была для меня абсолютно непонятной — словно на каком-то далёком языке, который я не могла разобрать. Полиглотом я никогда не была.

На следующий вопрос я лишь покачала головой, вызвав у обоих замешательство.

Затем парень с серыми глазами указал пальцем на моё лицо, будто предполагая что-то, и задал вопрос моему первому знакомому.

Что могло им не нравиться в моём лице?

Успокоительное действовало, но я всё равно начала волноваться: не будет ли это чем-то более серьёзным.

Тот же парень, внимательно рассмотрев меня, неуверенно кивнул, словно разрешая что-то. Затем их средство связи снова ожило, и я услышала недовольный, сонный голос.

Новоприбывший, судя по всему, был лингвистом — он явно уговаривал кого-то. В конце концов они пришли к со-

глашению и выключили связь.

— «Ratiri ditro kofitis», — обратился Етти к кому-то по ту сторону их аналога смарт-часов.

Я ничего не понимала, но всё равно настороженно навестила уши. Их разговор был важен. Может быть, удастся уловить хоть что-то по оттенкам эмоций, мелькающим на их подвижных лицах. Моя жизнь могла зависеть от этого, так что я морально готовилась.

В комнату вошёл ещё кто-то, словно окончательно заполнив пространство, переполнив его тестостероном. Хорошо, что я не страдаю клаустрофобией, иначе могла бы задохнуться от ощущения тесноты.

Новоприбывшего не было видно из-за конечностей сероглазого, который отчаянно жестикулировал, пытаясь объяснить мою ситуацию. Послышался тяжёлый вздох и скептическое хмыканье. Затем сероглазый мужчина подтолкнул другого к стене и приблизился ко мне.

Наконец-то я увидела кого-то среднего роста, не такого высокого, как эти колоссы, вызывавшие у меня комплекс неполноценности. Для них он, видимо, считался невысоким, но для меня всё равно был выше среднего — примерно метр девяносто.

У него была яркая внешность: жёлтые глаза, красные волосы и плавные движения.

Он внимательно осмотрел меня своими тигриными глазами и наконец обратился ко мне.

Но что он сказал?!

Если до этого я могла хоть как-то уловить отдельные слова или фразы, то его речь больше напоминала смесь звуков разных птиц. Всё сливалось в курлыкающие, неуловимые звуки.

Не увидев даже намёка на понимание, он развёл руками, мол: «А я что говорил», каркнул что-то моим тюремщикам и вышел.

Оставшиеся взглянули на меня так, будто я не оправдала их надежд и теперь вот-вот наступит конец света. Потом начали спорить. Победил чертяка. Ледышка, проиграв, с явным нежеланием направился к выходу. Его попытались поддержать, видимо неудачно, потому что в ответ послышалось недовольное ворчание.

Оставшийся тип явно не был социопатом. Скорее уж — бабник ещё тот.

Он широко улыбнулся и уселся на край кровати, едва не отдавив мои конечности, которые я неосмотрительно вытянула на освободившееся место. Увидев его острые зубы, как у пирании, я особо не удивилась — подсознательно чего-то такого и ожидала. К тому же их аналог валерьянки действовал отменно.

Он виновато улыбнулся за свою неосторожность и, как я поняла, представился. Сами посудите, как ещё можно интерпретировать: сначала он указал открытой ладонью на своё солнечное сплетение, а затем — на меня.

— Ты хочешь познакомиться? — попыталась уточнить я.

Хм... космос, нелюди... но если отбросить их необычную внешность, жесты-то в основном понятные.

Он кивнул, снова положил открытую ладонь на грудь, тщательно выговаривая звуки, затем указал на меня и дёрнул подбородком в мою сторону, мол: «Теперь ты».

Его имя подозрительно напоминало наши слова «жарим» или «чадим».

Мда... «ЧЁРТ + ЧАДИМ И ЖАРИМ». Прекрасное сочетание.

— Анастасия, — я скопировала его жест и, смешно коверкая язык, повторила: — Жарим.

Он покачал головой и попытался меня исправить. Если честно, получилось не очень.

Так мы и просидели, стараясь научиться правильно произносить имена друг друга. В итоге решили сократить их до последних трёх букв — те хотя бы получалось выговорить более-менее правильно.

В такой ненавязчивой атмосфере время пролетело незаметно. Осмыслить всё то «попадалово», в котором я оказалась, просто не было возможности.

Сероглазка задорно улыбался, не пытался меня схватить, дёрнуть за руку или ещё за что-нибудь. Это понемногу заставляло меня расслабиться.

Увы, ничто не вечно в нашем мире. И здесь — тоже.

В наш спокойный мирок стремительно ворвался смерч в лице того самого ЧЕРТА, которого я увидела в первый раз и который стал свидетелем моей истерики. За ним следовал Ледышка.

У него так горели глаза, что, казалось, ещё немного — и из ушей повалит дым. (У-у-у... демонюка.) Вид у него был слишком уж решительный, будто он собирался убить меня взглядом, а если не получится — не откажется и от удушения.

Инстинктивно я прижалась к боку Рима, ища защиты. Если не в товарищи, то хотя бы в союзники я его уже записала.

Думаю, любой человек в трудную минуту выбирает меньшее из зол. Вот и я поступила так же.

Если от Сероглазки исходило одно только доброжелательство, то от этого хвостатого просто фонило агрессией.

Моя лояльность явно не пришлась по вкусу Демону. Он едко поинтересовался о чём-то у моего новоявленного союзника.

Рим-Сероглазка не стушевался (уважаю!). Обняв мои плечи своими огромными руками, он прижал меня к себе и спокойно ответил:

— Tis ro goras simai.

В его движениях не было никакого сексуального подтекста, да и в голосе не звучало ни намёка на что-то подобное. Это позволило надежде в моей груди разрастись: всё будет

хорошо.

Злой демон больше ничего не сказал. Он передал Риму нечто, похожее на слуховой аппарат. Мой теперь уже товарищ взял устройство и покрутил перед моими глазами.

— Siya? — спросил он, приподняв бровь, будто проверяя меня.

А что я? Если уж верить — то до конца. Показывать недоверие в самом начале — значит рисковать потерять союзника.

Собрав последние крохи смелости, я осторожно выдохнула, кивнула и подставила ухо.

— Katimi, simai! — одобрительно произнёс Рим, стараясь не поранить меня когтями, когда устанавливал устройство. — Stori rotisi simai, — добавил он, словно извиняясь, и крепко прижал меня к себе.

Эта неожиданная близость оказалась как нельзя кстати.

В следующий момент ухо пронзила нечеловеческая боль. Я вскрикнула и дёрнулась, пытаясь вытащить из себя это орудие пыток. Но этот «предатель» держал крепко. От обиды на глаза навернулись слёзы — я же поверила ему... им... доверчивая рохля!

Нарастающий гул в голове заглушал всё вокруг, даже ощущение того, как он укачивает меня. Наконец всё прекратилось. Прошло всего пару минут, но для меня они растянулись в вечность.

Обессиленно прижавшись к его груди, я заставила себя

расслабиться, настороженно ожидая новой волны боли. Но её не последовало.

Я почувствовала, как он осторожно гладит мои волосы, и подняла голову.

— Теперь ты меня понимаешь, маленькая Сия? — участливо спросил Рим, заглядывая мне в глаза.

Я не ответила — только кивнула. Решила не обижаться. Если для того, чтобы начать их понимать, пришлось стерпеть боль — значит, оно того стоило. Мне ещё нужно разобраться в происходящем.

Но это потом. Сейчас я слишком устала. Устроившись поудобнее у него на руках, я закрыла глаза и почти сразу уснула — с отчаянной надеждой, что рядом с Римом мне ничего не угрожает. Да и, если честно, я сомневалась, что вообще смогу противостоять этим... колоннам.

#ромком #космоопера #любовьменяеткурс #попаданка #космическаялюбовь #авторскиерасы #опасныймужчина #земнойхаос #юморилюбовь

Глава 5. Детёныш под контролем

Амадан тар Драст

Не прошло и часа, как меня снова нашёл Шинфар. Я как раз разбирался с бортовыми механиками — они в очередной раз что-то не поделили. Говорил мне наш связист, Доусэт ки Тиитар, что ставить кифу в помощники ицтеку — не самая удачная идея. Очень неприятно видеть собственные ошибки.

Взглядом попросив друга не вмешиваться, строго оглядел подчинённых:

— Не знаю, что случилось сейчас, — не дав оправдаться ицтеку, — тихо! И не желаю знать. Под моим началом должны быть дисциплинированные работники! Довожу до вашего сведения: если вы не находите общий язык, то по прибытии, пока не вступим под распоряжение военного флота, нам придётся распрощаться! Это касается обоих. Обоих, понял, Кофис? Даже твой дядя Доусэт тебе не поможет.

Развернувшись, я направился в рубку, предоставляя шурину выбор — идти за мной или решать проблемы самому. Что послужило причиной его срочного визита, я понял сразу — по поджатым губам.

— Не томи, Шин. Что случилось на этот раз? Строить догадки у меня настроения нет.

Подойти ближе он не мог — мешал мой хвост, выдавая настроение хозяина.

— Она не понимает межгалактический...

— Не удивлён, — перебил я. — Решить этот вопрос без меня никак?

— Я знаю, что ты передал её на попечение первому пилоту. Но она также не знает диалектов «asiti» и «nusy»...

А вот это уже любопытно.

Я резко повернулся к нему, ожидая подробностей. Остановившись на расстоянии вытянутой руки, судовой врач продолжил:

— Когда я понял, что меня не понимают, вызвал Джарима тор Бреза, которого ты временно освободил от обязанностей, предполагая, что она знает только свой язык. Но когда Джарим заговорил с ней на «asiti», она его не поняла. С «nusy» — тот же результат.

Да... тут есть над чем подумать... Хотя...

— Может...

— Мы тоже об этом подумали, — не дал мне договорить. — Точнее, Джар обратил внимание на её необычный цвет глаз и предположил, что она полукровка.

— Вот видишь, всё решилось. Так в чём проблема? — уже собирался продолжить путь, но его ответ заставил меня замереть.

— Доусэта она тоже не поняла...

Эта новость заставила серьёзно задуматься. Возобновив

движение, я кивнул, приглашая его следовать за мной.

«Как такое возможно?..»

— Так как поступим, Драст?

— Подожди... сейчас... Кажется, с позапрошлого задания у меня остался лингво. Помнишь, когда между кифами и ицтеками разразился скандал из-за очередной планеты? Нас тогда вызвали сопровождать дипломата Содружества, а в той глубинке сопротивлялись внедрению общего языка.

— Помню. Тогда ещё все удивились, почему дипломатом был ваш, аситин, — усмехнулся шибариец.

— О да... — припоминая то время, я невольно улыбнулся, на секунду позволив себе забытья. — С вами связываться себе дороже. Это ты у нас такой бескорыстный. А вашим только дай волю — не оставили бы и трусов заинтересованным сторонам.

— Это точно.

Я и не заметил, как мы подошли к моей каюте. Сканирование ладони не заняло много времени. Взяв переводчик, мы отправились в сторону медблока.

То, что предстало моим глазам, не хотело укладываться в голову. Настолько это было неприятно и как будто противостоестественно. Маленькие самочки ведь даже тени боятся, когда находятся вне броста. А тут...

Она веселилась. Действительно веселилась, радостно улыбаясь первому пилоту. Они настолько гармонично и уютно

смотрелись рядом, что невольно заставили меня почувствовать себя лишним. И это не на шутку разозлило.

— Как вижу, общий язык уже нашли... — сквозь зубы прошипел я, мрачно оглядывая «парочку».

— Ты сказал присмотреть за малышкой, — спокойно ответил друг, мимикой как бы спрашивая: «В чём дело?»

Отчего-то было неприятно видеть, как самочка прижимается к Джариму в поисках защиты — от меня самого.

А то, какое доверие она продемонстрировала, подставляя свою миниатюрную шейку, стало невыносимым. Даже когда нанороботы пробивали себе дорогу к нервным окончаниям левого полушария, она не переставала цепляться за его предплечья.

Я поразился тому, что сам хотел оказаться на месте тор Бреза, и, словно очнувшись, развернулся. На выходе бросил:

— Очнётся — немедленно ко мне, где бы я ни находился в этот момент. Задавать вопросы буду лично. Дальше вступать в контакт не рекомендую.

Я повернул голову к Шину, до сих пор стоявшему у двери:

— Я ясно объяснил? Или придётся выделить ей карцер в грузовом отсеке?

— Это же детёныш! — попытались достучаться до меня оба. Пилот даже встал, выпуская из рук свою ношу.

— Да? — я поднял бровь. — Тогда подскажите мне, сколько наших детёнышей её возраста не знают родного языка и летают в космосе?

В защиту своей подопечной снова вступил Джарим, не желая слышать доводов разума:

— Даже если она не нашей расы, она всё равно детёныш, а не преступник!

— Видно, твои защитные инстинкты затуманили твой разум.

Мне самому было тошно от вывода, к которому я пришёл, проанализировав ситуацию в целом.

— Сам вспомни нашу историю! До времён космических путешествий наши предки, воюя между собой, не брезговали никакими средствами. Повторяю — никакими! Ресурсами становилось всё. Даже маленькое потомство. Они позволяли себе многое ради захвата территорий. И это были мы! МЫ! Для которых потомство во все времена было величайшей благодатью богов!

Я указал ладонью на спящего детёныша.

— А она... наверняка росла в обществе с другим менталитетом.

На это им возразить было нечего. В тишине, наступившей после моих слов, я двинулся в сторону рубки. Я должен был сообщить о ней своему руководству, как бы ни хотелось поступить иначе. От этого метался, как рироз в клетке, не находя себе места.

Может, эта особь обладала какими-то скрытыми способностями на генетическом уровне, позволяющими ей выживать в незнакомой среде? Вон как уже влияет на троих чле-

нов моего экипажа, включая меня самого. Скорее всего, придётся изолировать её от остального экипажа, минимизировав то влияние, которое она оказывает на самцов, если оно действительно существует.

Я также понимал, что моё негативное отношение могло быть вызвано ревностью. Ведь, как ни крути, этот детёныш вызывал во мне желание не только защищать, но и обладать.

Я не знал, как поступить и что делать. Это ощущение внутреннего раздрая было совершенно мне не свойственно. Но отрицание этих порывов и эмоций не поможет в решении проблемы. С этим пора заканчивать.

Во-первых, я защитник своей родины. Военный, работавший в дальних секторах галактик, занимавшийся разведкой и отслеживанием враждебных проникновений чужеродных рас. И только во-вторых — самец, пусть даже с появившимися извращёнными наклонностями.

Поэтому я должен быть объективным. В первую очередь нужно доложить о гостье. А как поступить с ней дальше — будем решать по итогам.

Приняв это решение, я немного успокоился.

Прошёл в санузел привести себя в порядок, умылся. Это было моей личной блажью. Состоя в числе руководства разведывательного флагмана, я имел хороший доход, который позволил купить собственное судно и установить на нём водопровод, мембранные установки молекулярной очистки, а также камбуз, помимо стандартных пищевых автоматов.

Заодно пристроил брата, который в последнее время был немного не в себе. Двойная выгода: и брат под присмотром, и личный повар на борту. Затратное дело, но оно того стоило.

Удовлетворившись своим внешним видом, я наконец добрался до рубки и отдал распоряжение связаться с секретариатом военного ведомства Межгалактического союза, во главе с адмиралом Андином тор Брилом.

В течение затянувшейся паузы, пока устанавливалось соединение, я ловил на себе вопросительные взгляды со всех сторон.

Наконец передо мной появилась голограмма адмирала. Не ошибусь, если предположу, что на Аттере сейчас середина ночи, а друг моей семьи всё ещё на рабочем месте.

— Капитан Амадан тар Драст, если мне не изменяет память, у вас сейчас отпуск. Так что могло послужить причиной того, что спустя всего четыре месяца заслуженного отдыха мы имеем честь лицезреть ваш многоуважаемый облик?

Меня едва не перекосило. Как всегда приторно вежлив. Ему бы в политику, а не в военные.

— Адмирал, как вам, вероятно, уже сообщили, сутки назад мы снялись с орбиты Кару'фа — правительственной галактики шибару.

— Вы, син, как всегда, не ошиблись, — довольно улыбнулся Андин.

— Меня радует одно — доносчик явно не на моём судне, — лениво откинувшись в кресле, я уловил его вопроситель-

ный взгляд. — Иначе вы были бы в курсе того, что восемь часов назад по моему прямому приказу команда взяла на борт спасательную капсулу... биотехнологической модификации, выброшенную из разлома белой дыры, на борту которой находился один живой организм.

По мере того как я говорил, взгляд начальника из любопытного превратился в колючий. Услышав же о симбиозе органики и металлургических технологий, син весь подобрался.

— Продолжай! — рыкнул он, ударив по столешнице.

Выгнув бровь, я вопросительно посмотрел на него.

Мы работали бок о бок более ста пятидесяти лет. В его личную команду, по просьбе отца, я попал едва ли не с академической скамьи. На протяжении пятидесяти лет бился изо всех сил, доказывая, что сам чего-то стою. Потом перевёлся и ещё сто лет, работая в разведке, заслуживал уважение и право на то, чтобы вышестоящее руководство считалось с моим мнением.

Поэтому мы оба прекрасно понимали: грозный вид, не пугавший меня в прошлом, и сейчас не возымеет никакого действия. Только син никогда не оставлял попыток снова подавить меня своим авторитетом.

Я его глубоко уважаю, но лебезить и ползать на коленях не намерен.

Потерпев очередное поражение, он расслабил спину и откинулся на спинку кресла. Больше не заставляя его ждать,

я продолжил рассказ, уточняя некоторые детали и выкладывая свои гипотезы. Правда, умолчал о личном отношении и желании оставить малышку себе.

— Капсулу сразу по прибытии доставить на базу, — во-
рвался в мои мысли голос начальника. — Уже сейчас нужно собирать штат учёных.

— Вы же понимаете, что ждать нас раньше чем через три месяца не стоит.

— Этого вполне хватит, — будто самому себе проговорил адмирал. — Возможно, потом придётся подключить шибарийцев, иначе эти лористы не оставят нас в покое. К тому же, помимо знаменитых финансистов, у них имеются великолепные специалисты: биоинженеры и нанотехнологи...

— Всё верно, — перебил его я. — Что насчёт пассажира?

— Ты сам сказал, что это особь-детёныш женского пола, так что вряд ли она работала на каких-то должностях. Узнай всё, что ей известно. На Аттере проследишь, чтобы она прошла полный медосмотр. Пока просто наблюдай. Если не выявишь никаких свидетельств шпионской деятельности — оставляешь под своей ответственностью.

— Есть, адмирал.

Я отключил связь, стараясь не выдать ликования от того, что получил именно то, на что рассчитывал.

— Всем понятен приказ? Наблюдаем. Если что-то покажется подозрительным — немедленно доложить мне.

Может, приказ ни у кого понимания и не вызвал, но при-

ЧИНЫ ПОНЯТЬ МОГЛИ ВСЕ.

НОВОЙ ВОЙНЫ НИКТО НЕ ХОЧЕТ.

Глава 6. Столовая строго режима

Анастасия

Я была готова лезть на стенку от безделья. Передумала всякую всячину. Разпереживалась за кота, надеясь, что по-други заметят моё исчезновение и заберут Стёшу. Изучила каждый шовчик, каждую заковырку и всё-таки нашла, откуда исходит свет в этой тюрьге!

Вам это о чём-то говорит? ЭТО БЫЛ АД! Виной которому этот... этот... у-у-у, зла не хватает, ДЕМОНИЮКА НЕЧЕСТИВЫЙ!!!

Эти две недели моего заточения не пошли мне на пользу. Наоборот, я стала раздражительной. Словно дикий зверь в клетке. И этот зверь скоро начнёт кидаться на прохожих! Главное, чтоб не усыпили...

А вы сами попробуйте практически безвылазно сидеть в этой каморке! Вру! Периодически меня выгуливал Рим, но рассмотреть хоть что-то не представлялось возможным. А так было интересно...

Меня обломали сразу, сказав, что выходить я буду только в их столовую — три раза в сутки. Кстати, эти сутки были длинные: тридцать шесть часов, как сообщил мой так называемый друг.

А как хорошо всё начиналось... С ожившей мечты сред-

нестатистической женщины...

Меня разбудили завтраком в постель. Дали наконец помыться — какая женщина не хочет ощущать себя чистой при любых обстоятельствах? Выдали новую одежду взамен старой, которая была вся рваная и испачканная кровью.

Эта одежда чем-то напоминала балахоны африканцев: цветная, с узорами. Также выдали нечто среднее между панталонами и мужскими семейками белого цвета — как я догадалась, их бельё.

Ещё мне перепала чудо-обувь, похожая на носки, умеющая менять размер. Такая удобная, мягонькая и лёгкая, при этом очень прочная. Я даже погрызть её пробовала, честное слово!

Видимо, я попала на космический корабль, а не в другой мир с троллями и прочими существами. Ванная комната не особо отличалась от тех, что я видела в фантастических фильмах: вся гладенькая, выдвижная-раздвижная, с кучей сенсорных кнопочек и разными непонятными закорючками. Видимо, их переводчик на письменность не распространялся... и так далее, и тому подобное.

Во всём этом мне помог разобраться Рим, посмеиваясь над моей восхищённой моськой. Закрыв за ним дверь, я приняла душ, сперва пару раз случайно окатив себя холодной водой. Закончив омовение, решила одеваться.

К сожалению, лифчика я не увидела, поэтому после душа, сморщившись, пришлось снова перетягивать грудь осто-

чертевшей тканью. Лучше так, чем светить выделяющимися прелестями.

Огляделась в зеркало: круги под глазами, кожа бледная, бр-р... Один плюс всё же имелся: походу, я скинула лишний килограмм.

Одевая обновки, запаматовала, что надо не забыть сказать «спасибо» своему другу.

Почему думала? Да потому, что я предполагала: он проведёт мне экскурсию по кораблю. А этот предатель отвёл меня к Демону!

Не успела переступить порог очередной каюты, как дверь за мной закрылась, оставляя меня одну. Лишь краем глаза я заметила спину отворачивающегося «товарища».

По коже пробежали мурашки. Было ощущение, будто мне в затылок впивается взгляд хищника, готового к последнему — для меня, естественно — стремительному прыжку. Адреналин зашкаливал. Ещё чуть-чуть — и сердце просто остановится, не в силах гонять кровь по венам.

Медленно, очень медленно оборачиваюсь на сто восемьдесят градусов, напрочь забывая рекомендации ведущих с *National Geographic*: не показывать страха и ни в коем случае не бежать. А как хотелось...

Увы, некуда. Путь к отступлению перекрыл мой «друг». То, что за спиной оказался всего лишь сидящий за столом Демон, подпирающий подбородок рукой и не сводящий с ме-

ня своих обсидиановых глаз, ничуть не успокаивало. Даже наоборот...

Животный хищник вцепится в горло — и всё. Быстро, инстинктивно. А эта порода... будет наслаждаться игрой, растягивая её как можно дольше.

— Вам очень идёт этот наряд, маленькая тьера, — поднявшись из кресла и медленно приближаясь ко мне, проговорил этот монстр.

Ёшкин кот... Я не говорю, что Рим красавец — нет, у обоих лица жуткие. Но в ужас меня приводила не внешность, а вот эта его вкрадчивость, сдержанность движений. Он был как натянутая тетива — готовая в любой момент сорваться.

И я точно не хотела оказаться рядом, когда это произойдёт.

— «Тьера»? — переспросила я, не сводя с него взгляда. Выпустить его из поля зрения было страшнее всего.

— Обращение к незамужней самке, — услужливо перевёл мой «помощник».

Задуматься над этим времени не было.

Этот титан обошёл меня по кругу и остановился за спиной, нависая, как дамоклов меч.

Нервы натянуты до предела. Колени вот-вот подогнутся. Что ему от меня нужно — я даже предположить не могла. А этот садист, похоже, наслаждался моей паникой, не спеша объяснять причину моего присутствия.

Наконец, словно решив, что я уже достаточно «созрела»,

он наклонился к правой стороне моей шеи и тихо спросил:
— Кто вы? Откуда? Как такая малышка оказалась так далеко от дома?

Этот шёпот, будто располагающий к доверительной беседе, выбивал из равновесия не хуже любой другой его тактики. Так, наверное, разговаривал со своими жертвами самый известный человеческий маньяк-людоед — Ганнибал Лектер.

— Простите? — переспросила я, не успев ответить.

Меня выбило из колеи ощущение колебания воздуха у шеи. Он что... меня обнюхивает?

«Ммама...»

— Отвечай!

От резкой, рычащей команды я дёрнулась, пытаюсь отскочить.

Ага. Кто бы мне ещё позволил.

Он схватил меня огромной лапищей за шею — не больно, но достаточно жёстко, чтобы я ясно ощутила: моя жизнь сейчас полностью в его руках.

Другой почти «ласково» провёл пальцем с завораживающим в своей жуткой красоте антрацитовым когтем по моим скулам и подбородку, приподнял голову.

— Я... я... — стараясь не смотреть ему в глаза, сглотнув пересохшим горлом, ощущая твёрдость его ладони, попыталась ответить. — Я... н-не... з-знаю...

— Не знаешь что? — отпуская шею и развернув моё тело

к себе, он обхватил ладонями мои скулы и пристально, сосредоточенно посмотрел на меня.

Его ноздри едва заметно трепетали.

Если кто-то думает, что всё это выглядело хоть сколько-нибудь эротично — выбросьте эти глупые мысли. Это было до одури страшно. Если сравнивать с землетрясением — уверенные восемь баллов. Меня буквально трясло от ужаса.

И тут вместе с храбростью и надеждой на лучшее меня покинуло и здравомыслие.

— Да откуда я знаю, как попала на ваш чёртов корабль!!!
— вырываясь, закричала я во всю силу лёгких.

Что удивительно — на этот раз меня отпустили. Более того, он даже отошёл на пару шагов.

— Я вообще ничего не знаю... — прошептала я, ощущая себя сдувшимся шариком. Ещё немного — и упала бы на пол для полной достоверности.

— Даже так... — задумчиво пророкотал этот манипулятор.

Я всё ещё не отрывала взгляд от гладкого серого пола, поэтому не видела выражения его лица.

Я просто устала бояться... переживать... Эта ситуация не укладывалась ни в какие рамки, и реагировать на неё адекватно уже не получалось. Что будет — то будет. Я действительно полностью в их власти.

Дальше на его вопросы я отвечала скорее на автопилоте, чем осознанно. Рассказала, где жила, выложила всё, что пом-

нила из школьной астрономии. Его особенно заинтересовала моя планета — он приказал показать на карте, где находится наша галактика, ведь названия ему ни о чём не говорили.

— Система, развернуть карту космических созвездий с последними данными со спутников, направленных на выявление жизни на планетах вне Галактического союза.

Передо мной появилась звёздная карта, и она невольно меня заинтересовала. Двусторонняя, почти в формате 5D, с глубинным эффектом — при этом я прекрасно видела и его.

Он коснулся одного созвездия — оно увеличилось. Дважды нажав, углубил изображение, затем выбрал одну из планет и, наблюдая за мной, произнёс:

— Мы находимся в десяти миллиардах световых лет от этой планеты.

Не заметив в моей реакции ничего особенного, он добавил:

— Подойди ближе и покажи, где находится твой дом.

Не раздумывая, я подошла. Коснувшись «карты», ощутила лишь лёгкое покалывание в кончиках пальцев.

Как так получилось — не знаю, но на несколько минут я совсем забыла, что вообще-то здесь не одна.

Млин... Вспомните Ивана Грозного из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» — и, наверное, поймёте, как я выглядела со стороны.

Кое-как разобравшись, как «листать» изображение, я начала искать хоть что-то, приблизительно похожее на Млеч-

ный Путь. Старалась не думать о том, что с меня не сводят глаз — это ужасно нервировало.

Наконец я нашла то, что искала. Увы, изображение было слишком далёким и не «углублялось».

— Вот она, — я нажала дважды, как до этого делал он, выделяя изображение из общей массы. — Очень похоже.

Демон перевёл взгляд с меня на карту и нахмурился:

— Рассчитать расстояние до этой галактики.

Я уже думала, что он меня сломал. Но осознание того, что я могу натворить, резко привело в чувство.

Под пытками — да, расколуюсь. Но добровольно — ни слова больше не скажу.

Патриотом мне, может, и не быть, но чувство вины потом сожрёт заживо, если вдруг из-за меня нашу планету решат захватить. (Все же смотрели такие фильмы!)

— Насколько развита ваша планета? — не получив ответа, он задал следующий вопрос. — Какое топливо используете для преодоления таких расстояний?..

Я словно воды в рот набрала. Пусть думает что угодно. Может, даже передумает нападать, если решит, что мы технологически развитее, чем есть на самом деле. Не говорить же ему, что для них мы — почти как австралопитеки для современных людей.

Не получив ответа, он слегка приподнял уголки губ. Понять, раздражение это или насмешка, я не успела — выражение исчезло так же быстро, как появилось.

— Молчишь? Хорошо. Можешь возвращаться в каюту.

Я уже почти облегчённо выдохнула, как он добавил:

— Это не конец. Захочешь что-то добавить — сообщи своему сопровождающему.

Дверь открылась сама собой, и на пороге появилось обеспокоенное лицо предателя. Готовая сорваться на бег, я всё же, надеюсь, вышла достойно — неспешным шагом, даже не взглянув на недавнего «товарища».

Он меня бросил. Оставил один на один со своим капитаном. Я понимала, что он подчиняется уставу и вовсе не обязан меня защищать. Но всё равно было обидно. Увы, сохранить видимость достоинства мне не дали. В спину громко донеслось:

— Покидать пределы каюты строго запрещается. Только в сопровождении...

Я бросила на Демонюку волчий взгляд и поспешила убраться подальше.

Вот так и потекло время...

В столовой при моём появлении всегда становилось тихо. Никто со мной не разговаривал. Разве что Рим... но, увы, я с ним не говорила. Старалась, насколько это возможно, не замечать его присутствия. По-детски? Возможно. Но ничего поделать с этим пока не могла и не хотела.

Тишина меня не напрягала. А вот есть непонятно что под взглядами минимум двадцати существ — это уже было некомфортно. Особенно тяжело приходилось в первые дни:

тогда они чуть ли не в рот мне заглядывали. Кто-то ухмылялся, кто-то хмыкал, другие качали головами, будто чему-то удивлялись и одновременно не одобряли.

А что такого я делала?

Ем как все. Посуда почти не отличается от нашей. Ничего аморального за собой не замечала. А спрашивать своего «конвоира»... желания не было.

Иногда я сама украдкой рассматривала окружающих. Было интересно, кто ещё здесь есть. В основном — «черти»; человек пять-шесть «етти», включая доктора; двое «с яркой внешностью» — они всегда ели отдельно; и один... непонятно кто. Похож на огромного хомяка: круглый, с щеками, только без шерсти.

Меня прямо распирало расспросить, но на Земле есть негласное правило: «Не хочешь отвечать — не задавай вопросы». Похоже, здесь его тоже придерживались.

Если не считать моего «заточения» и всеобщего молчания, ко мне относились вполне нормально. Никто не пытал, опыты не ставил. Я чувствовала себя скорее неожиданным и нежеланным гостем. Скорее всего, так оно и было.

Сегодняшний завтрак состоял из какой-то каши — вся зелёная, цвета... скажем так, «детской неожиданности». За две недели такого ещё не подавали. Судя по тому, как оживились лица окружающих и с каким аппетитом они это ели, блюдо считалось деликатесом.

Я не привереда, но всё же взяла ложку с осторожностью.

Попробовала.

А ничего. По вкусу напоминало смесь чечевицы с томатной пастой.

Больше всего я боялась реакции своего организма на новый продукт, поэтому съела немного — пусть желудок привыкает. В первые дни меня по ночам мучила лёгкая диарея, от некоторых блюд подташнивало. Приходилось в экстремальных условиях адаптироваться к их рациону.

Голод не тётка. Жить хочется.

А специального питания мне никто предлагать не соби-
рался. Да и вряд ли у них есть земная еда.

Только я потянулась к их энергетическому напитку, как моё тело пронзила резкая боль.

Я вцепилась в край столешницы и, наклонившись, тихо застонала...

#приключениявкосмосе #космическийроман #любовьикосмос #книгадлявечера

Глава 7. Интим, который сломал капитана

Амадан

На следующий день, сообщив, что подопечная проснулась, Джарим привёл её ко мне. Как только за первым пилотом закрылась дверь, мою каюту окутал запах страха. Этот запах мне очень не понравился, но был весьма кстати для того, что стояло на повестке дня.

Допрашивать легче всего, когда эмоции переполняют и нет времени придумать правдоподобную легенду. Даже если это удаётся, всё равно начинаешь путаться в показаниях.

Моя задача — довести допрашиваемого до подобного состояния, а потом внимательно проследить за запахом, который тот издаёт. Запах вранья очень специфический. У каждой расы свой, но его ни с чем не перепутать. Те, кто учится в военных академиях, умеют распознавать его уже на втором курсе.

Именно за наши физиологические особенности — чувствительные слух и обоняние, высокую переносимость боли и регенерацию, не говоря уже о силе, — аситины считались лучшими воинами.

Но лидерство в Союзе нам обеспечило не это, а высо-

кая квалификация каждого служащего. В военных академиях учились не только мы, но и другие представители Союза. Все были асами своего дела. Благодаря высоким адаптивным способностям с асотинов требовали намного больше, чем с остальных.

Отбор был жесточайший. Из академии каждый поступивший выходил либо выпускником, либо на каталке. Несмотря на развитую медицину, многие после этого физически восстанавливались годами, а психологически — бывало, никогда. Случались и смертельные исходы, особенно на последних курсах, во время практики. Поэтому мы были универсальным оружием, солдатами сами по себе.

Но к какой расе принадлежит эта маленькая самочка, я не знал. Поэтому рассчитывать только на своё обоняние не мог.

Я играл на её эмоциях: вежливое общение и угроза на невербальном уровне дали свои результаты. Она рассказала и даже показала, откуда родом.

Вот только её капитуляция была очень горькой. Какая радость от того, что приходится ломать детёныша? Один стыд.

К тому же её большие, влажные от слёз глаза будили во мне нечто такое, чего я сам от себя не ожидал. Оставалось надеяться лишь на то, что я не слишком сильно её запугал.

Как оказалось, несмотря на столь юный возраст, самочка всё же обладала сильным характером. Это хорошо.

Поэтому, закрыв глаза на то, что рассказывать подробнее о своей родной планете она не захотела, я отпустил её. Боль-

ше давить на неё не хотел. Это могло сломить её дух, а подобное совершенно не входило в мои планы.

Наблюдая за ней, я всё больше склонялся к решению оставить её при себе. Подожду, пока подрастёт, потом возьму себе в астниэры.

На протяжении двух недель, по моему приказу, Джарим водил её в столовую. То, что маленькая пассажирка не шпион, стало ясно уже в первые дни. На её месте многие постарались бы наладить отношения и выведать как можно больше информации у предполагаемого врага.

А самочка не только сама не шла на контакт, но и не отвечала взаимностью на дружелюбные попытки первого пилота завести ни к чему не обязывающую беседу.

Мне не нужно было даже читать его отчёты. О них судачили за каждым углом. Приходилось даже штрафовать некоторых за халатное отношение к работе.

Первый пилот с каждым днём становился всё подавленнее. Его обаяние на неё не действовало. Он всегда считался сердцеедом самочек любых рас и возрастов. Если взрослые самки мечтали о возможности завести с ним интрижку или вступить в союз, то маленькие просто боготворили его — для них он был идеалом.

Сначала некоторые злорадствовали его неудаче, потом начали сочувствовать. Другие недоумевали: к какой же холодной расе нужно принадлежать, чтобы даже их ребёнок был столь бесчувственен? Где веселье, задор, неуёмная энергия,

любопытство, непосредственность и очарование, присущие всем детям?

Этот детёныш ходил молчаливым, смотрел на всё и всех исподлобья. Враждебных эмоций от неё не исходило, но... она была какой-то безучастной, что ли. Лишь изредка от неё веяло лёгким любопытством, а потом она будто захлопывалась, как ракушка.

Если бы я собственными глазами не видел её веселья и не чувствовал запаха её страха, подумал бы, что она вообще не умеет чувствовать. Поэтому я мог понять тор Бреза: сначала ощутить тёплые лучи солнца, а потом надолго попасть в холодный и тёмный виртум.

С другой стороны, я даже немного радовался такому положению дел. Не приходилось каждый день наблюдать за их тёплыми дружескими отношениями. Потому что была вероятность, что они могут вырасти во что-то более весомое. А разрывать на части кровника из-за негласного присвоения себе будущей полноценной самки как-то не хотелось.

От этих некрасивых мыслей меня отвлёк разговор двух пилотов истребителей, которые шли в тренажёрный зал. Услышанное заставило моё сердце сбиться с ровного ритма.

Сорвавшись с места, я, как одержимый, помчался в сторону медпункта. «Что случилось? Почему Шинфар мне не сообщил? Плохое здоровье самки может увеличить и без того немалый срок ожидания».

Спустившись на нужный этаж, я повернул направо и уви-

дел бледного, взъерошенного Джарима. Подпирая дверной косяк, первый пилот неподвижно, отрешённо смотрел в пол. Только его хвост отплясывал танец вины и отчаяния.

Я остановился, перевёл дыхание, уловив в воздухе какой-то запах, но не придал ему значения. Деревянной рукой коснулся сканера.

Дверь открылась.

Первым, кого я увидел, был шибариец, регулирующий медитек.

— Что произошло?

Шин, взлохмачивая волосы, отрешённо посмотрел в мою сторону:

— Сам не имею понятия. Только что положил её в медитек для сканирования всех органов и выявления причины недомогания.

Отойдя от камеры, он пододвинул к себе сенсорный экран и указал пальцем на изображение:

— Видишь, строение скелета, как и расположение органов, не сильно отличается от вашего. Но что-то не так, — последнюю фразу врач прошептал поражённо. — Сердечно-сосудистая и лимфатическая системы, согласно предыдущему сканированию, не изменились. А вот эндокринная сейчас активно работает. Почему в прошлый раз я переложил анализ на медитек и не удосужился внимательно присмотреться к работе её организма...

— Шин! — буквально прорычал я ему на ухо. — Ты же

знаешь, настолько углублённый курс анатомии я не изучал! Понимаю, для тебя это очень увлекательно: новая раса, расширение знаний. Но скажи наконец, почему, спрашивается, тор Брез стоит в коридоре бледнее коридбы?

Будто очнувшись от транса, друг виновато взглянул на меня.

— Ещё не выяснил, — он поджал губы. Было видно, что его это расстроило. — Думаю спросить об этом детёныша. Может, она нам расскажет.

Его взгляд говорил, что он и сам в этом сомневается.

Оставалось надеяться: раз она обладала углублёнными знаниями о космосе, значит, и о своём организме сможет рассказать подробнее. Мой хвост уныло повис. Даже если так — мы всё равно ничем не сможем помочь. Даже я это прекрасно понимал, хотя всё ещё не знал причины, по которой она оказалась здесь.

Полчаса спустя, выходя пружинистой походкой из медблока, я не мог избавиться от желания улыбнуться.

Анастасия

«О нет, только не сейчас...» — эта мысль билась в моей голове, пока боль внизу живота постепенно отпускала.

— Сия? — вопросительно посмотрел на меня Рим. — Что такое? Тебе плохо? — он наклонился ближе, сжав мою ладонь.

Мне же срочно нужно было вернуться в каюту, закрыться и никого не видеть ближайшие дня три, а то и больше. Поэтому я даже забыла, что объявила ему молчанку:

— Нет, всё хорошо, — выдавила улыбку, понимая, что времени в обрез и боль скоро вернётся. — Давай... отведёшь меня обратно. Я устала...

Он удивился, но ничего не сказал. Только нахмурился и, отодвинув стул, молча проводил меня до каюты.

— Тебе что-то нужно? — остановившись на пороге, спросил он.

Меньше всего мне сейчас была нужна его компания, поэтому я поспешила его выпроводить:

— Спасибо, но нет. Я скажу, если что. Ты показывал, как с тобой связаться, не беспокойся...

— Значит, мне не показалось, и я прощён? — ухмыльнулся он.

— Да-да... всё, давай до обеда. Мне хочется прилечь...

— Если что — зови, — было видно, что ему не хочется уходить.

— Конечно.

Не дожидаясь, пока он развернётся, я приложила ладонь к сканеру, закрывая дверь, и прислонилась к ней лбом.

Как не вовремя... За всеми этими событиями я совершенно потерялась во времени, забыв о «красных днях календаря».

Я повернулась, опираясь спиной о дверь, и посмотрела

в сторону уборной, пытаясь сообразить, что делать дальше. Вряд ли я решусь просить помощи у Рима или Ледышки. Я ведь даже с парнем никогда не жила, чтобы вот так спокойно сказать: «Сходи в аптеку...», как делала Машка.

Да и какие тут аптеки... посреди космоса.

И женщин я здесь ни одной не видела.

Оттолкнувшись от двери, я направилась к кровати, надеясь воспользоваться простынёй. Ткань, которой я перетягивала грудь, при всём желании использовать не получится — её попросту не хватит. Придётся выбирать, что важнее. И в любом случае пострадает моя гордость.

Увы, меня ждало разочарование: то, что казалось простынёй, оказалось единым целым с матрасом.

Я бессильно опустилась на край кровати. Как раз вовремя. Боль накатила снова — такая, будто всё внутри сжали в кулак и не собираются отпускать. Я прижала руку к низу живота, стиснула зубы. На глаза навернулись слёзы.

Да что же это такое... Раньше спазмы не были такими сильными. Иногда помогала обычная «Ношпа», но сейчас... вряд ли она бы спасла.

Когда боль немного отступила, я рванула в санузел. Перепробовала всё, что можно было нажать, надеясь найти хоть что-то, кроме махровых полотенец. Зря.

Вернулась обратно и легла. Самый тяжёлый день — первый. Это я знала. Придётся как-то пережить ночь, а потом... придумывать дальше.

Других вариантов у меня всё равно не было.

Пролежала так практически до обеда. Сколько прошло времени, поняла лишь тогда, когда раздался писк, извещающий о приходе моего сопровождающего. Хорошо, что до этого он объяснил, как блокируется дверь. Конечно, я понимала, что у него в любом

случае есть доступ в мою каюту, но этот тонкий психологический манёвр хотя бы сохранял иллюзию уединения и безопасности.

Постояв немного у двери и, видимо, решив, что я всё ещё отдыхаю, Рим ушёл без меня. Я была рада.

Повернувшись к стене, решила отоспаться, понимая, что ночь, скорее всего, будет долгой. Да и завтрашнее утро — тоже.

Проснулась перед ужином, ощущая неприятную влажность между бёдер. Не глядя на постель, быстро направилась в уборную.

«Ну, здравствуй, товарищ... Похоже, я надолго составлю тебе компанию», — мысленно обратилась к унитазу.

Видимо, я потихоньку схожу с ума. Зациклившись на этих безрадостных мыслях, я не услышала, как Рим разблокировал дверь:

— Сия! Ты уже пропустила обед, но без ужина я тебя не оставлю...

Последнее слово он произнёс глухо. Наступившая тишина заставила меня поспешно одеться.

— СИЯ!!!

Не удосужившись даже постучать, он ворвался в уборную. Глаза расширены, ноздри трепещут.

Оглядев меня с ног до головы, он напряжённо шагнул ближе и, дрожащими руками обхватив под спиной и коленями, поднял меня над полом.

— Сейчас... сейчас... вызовем Шинфара... потерпи немного... отнесу в медблок, тебе помогут...

Я непонимающе уставилась на него.

«Зачем? Какой медблок?..»

Всё происходило слишком быстро. Несмотря на то что держал он меня аккуратно, двигался стремительно.

Когда он выносил меня из каюты, я краем глаза заметила лужицу крови на постели... и тут до меня дошло, в чём причина его бледности.

«Мама дорогая... СТЫД-ТО КАКОЙ!!!»

Я онемела. Не знала, как объяснить ему, что со мной всё в порядке. Что это... нормально. С другой стороны, хотелось просто уткнуться лицом в его плечо и пообещать, что я всё уберу.

А дальше начался настоящий цирк.

Глава 8. Неприятный и тайный сюрприз

Анастасия

Их врач оказался на месте. Не дав мне и слова вставить, Рим ворвался в помещение:

— Шинфар! Сделай что-нибудь, она истекает кровью!

Я думала, большего позора уже быть не может. Моё деликатное состояние стало достоянием общественности. И как потом смотреть им в глаза?..

Етти, не задавая лишних вопросов, с полной серьёзностью отнёсся к ситуации. Забрав меня из рук Рима, он развернулся и уложил в какой-то белый «гроб».

На секунду мне показалось, что это конец, и меня сейчас похоронят заживо. Но Етти «успокоил» — погладил по голове и тихо, почти ласково прошептал:

— Тихо-тихо... всё хорошо. Сейчас мы тебя просканируем и постараемся помочь. Не бойся, я сделаю всё, что в моих силах.

Возразить мне не дали. Радовало одно — раздеваться не пришлось. Когда крышка их «рентгена» почти закрылась, я услышала отчаянный голос:

— Это я виноват! Я видел, что утром ей было плохо! Надо было тогда сразу к тебе идти... Она умрёт, да?

Оказавшись запертой в этом «гробу», я попыталась замедлить дыхание и выровнять сердцебиение. Получалось плохо: тесно, тихо, глухо.

Я надеялась, что диагностика «умирающей меня» не затянется. С их-то технологиями. И действительно, не прошло и десяти минут, как крышка начала подниматься.

ЛУЧШЕ БЫ Я ОСТАЛАСЬ ВНУТРИ.

Если до этого ситуация была невыносимой, то теперь — просто катастрофической. К нам присоединился ещё один свидетель моей «славной» кончины.

И самое ужасное — это был он. Демон. Я быстро осмотрелась, проверяя, нет ли ещё кого. Как всегда — где капитан, там нет Рима.

В четыре руки меня помогли поднять, поставив на ноги. «Как калеку какую-то, честное слово...»

— Тьера Симай, что произошло? Тебя кто-то обидел? — прозвучал обеспокоенный голос врача. — Нет? Ты чем-то болеешь?.. — и тут же сам себя перебил. — Хотя нет, все жизненно важные органы в норме. Ну же, не молчи! Как тебе помочь?

Я прочистила горло, собираясь ответить. Ну почему они так пристально смотрят... и без того неловко. Собравшись с силами, выдохнула на одном дыхании:

— Не надо помогать. Это всего лишь менструация.

Отвернулась к стене и прикрыла глаза, чтобы уж точно не видеть их реакцию. Судя по тому, как они переполошились,

я уже догадывалась, какой будет следующий вопрос.

Етти, как врач, был любопытен — и я не ошиблась:
— Менср... ментр... менструация?

Демонюка, как обычно, молчал, буквально прожигая меня взглядом. Я никогда не чувствовала себя настолько униженной. Но понимала — этого не избежать.

«Так, Анна, взяла себя в руки. Ты медик! Для тебя это нормально. Уточки на интернатуре меняла? Меняла. Значит — вперёд. Теперь ты пациент».

Никогда раньше не задумывалась, почему некоторым пациентам так неловко говорить о своём состоянии. Всегда казалось: «что естественно — то не стыдно». Теперь... начинаю их понимать.

Сделав глубокий вдох, я начала объяснять научными терминами, но тут же была прервана недовольным рыком Демона:

— Можешь сформулировать проще. Многие термины не подлежат переводу.

Я бросила жалобный взгляд на врача, но тот явно был согласен. Отвертеться не получится. Ладно... попробуем с другой стороны.

— У вас ведь есть женщины?.. — увидев их непонимание, поправилась. — Самки?

В ответ — почти возмущённые взгляды: «Конечно есть, что за вопрос». Ну хоть что-то общее нашли.

— Как вы понимаете, что можно... создать семью?.. —

замялась. — Семьи у вас есть?

Оба кивнули, но всё ещё не понимали, к чему я веду. Тянуть дальше было бессмысленно.

— Менструация — это период, во время которого организм самки подготавливается к продолжению рода. То есть к вынашиванию потомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.